

ELSEVIER

Available online at www.sciencedirect.com

ScienceDirect

Russian Literature LXXVIII (2015) I/II

Russian
Literature

www.elsevier.com/locate/ruslit

БЫТЬ – БИТЬ – БИТ: ТЕТРАДЬ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ПОРОЖДАЮЩАЯ МОДЕЛЬ
(BYT' – BIT' – BIT: A RUSSIAN LANGUAGE EXERCISE BOOK
AS A GENERATIVE MODEL)

ЮЛИЯ ВАЛИЕВА
(IULIA VALIEVA)

Abstract

The author discusses an interesting document from Aleksandr Kondratov's legacy – an exercise book from 1956, when he studied at the Leningrad militia school. It contains dictation exercises and short essays, which reflect Soviet current affairs of the time, as well as notes on grammar. Many of its contents prefigure Kondratov's later writings, both linguistic and poetical, in particular his texts 'Chasti rechi' and 'Tam, za stenoj'.

Keywords: *A. Kondratov; Linguistics; Poetical Works*

Среди материалов А. Кондратова, хранящихся в Гуверовском архиве, в фонде М. Красильникова, находится тетрадь Кондратова по русскому языку¹ времени его учебы в Ленинградской специальной средней школе милиции МВД. Это обычная ученическая тонкая тетрадь в линейку, в зеленой бумажной обложке, надписанная "Александр Кондратов. 6-я группа", с текстами 4-х диктантов и 2-х сочинений, проверенных учителем. Работы написаны в период с февраля по июнь 1956 г.: Диктант № 7 'Перед грозой' (20.02.1956), Сочинение [по роману И. А. Гончарова *Обломов*] (12.04.1956), Диктант № 8 (16.04.1956), Диктант № 9 'Майор

<http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2015.08.004>

0304-3479/© 2015 Elsevier B.V. All rights reserved.

Воронцов' (15.05.1956), Контрольный диктант (25.05.1956), Сочинение "Бдительность – неотъемлемое качество советского человека" (06.06.1956).

Несмотря на то, что тетрадь не содержит оригинальных произведений Кондратова, она представляет несомненный интерес, – не только как документ эпохи, в котором даны образцы текстов, служивших дидактическим материалом по русскому языку, и тем сочинений, обусловленных литературными датами (65 лет со дня смерти И. А. Гончарова) и историко-политической ситуацией 1956 г., но и для изучения творчества А. Кондратова (сборник 'Части речи', повести 'Там, за стеной'), времени его вхождения в круг поэтов "филологической школы".

Для самого автора тетрадь являлась значимым артефактом, достойным сохранения, и была им подарена Красильникову, о чем говорит дарственная надпись на обороте обложки. Включение Кондратовым контрольных работ по русскому языку в ряд своих творческих материалов заслуживает внимания, и, прежде всего, его возможная прагматическая составляющая. Позволим себе высказать предположение, что тетрадь может быть рассмотрена как прото-модель, отсылающая, с одной стороны, к теоретическим интересам Кондратова, связанным с дешифровкой письменностей, с другой стороны, к пародийной поэтике (в русле перформансов – "действ" круга М. Красильникова).

С точки зрения абстрактной модели, тексты контрольных диктантов обладают сходным набором формальных черт. Типологически они могут состоять из отдельных предложений или заключать в себе фрагменты связного текста (в тетради Кондратова к первому типу относится диктант № 8; остальные – ко второму: № 7 – по Л. Толстому, № 9 – фрагмент из романа А. Гончара *Знаменосцы*,² контрольный диктант – по В. Катаеву). И в том, и в другом случае, выбор текстов мотивирован, прежде всего, наличием "вторичных" характеристик – организацией текста с точки зрения грамматики и синтаксиса.

Диктант № 8. 16/ IV. 1956

1. Город чудный, город древний, ты вместил в свои концы и посады, и деревни, и палаты, и дворцы.
2. Довольно, Ванюша, гулял ты немало, пора за работу, родной!
3. Медленность нашего похода (в первый день мы прошли только пятнадцать верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец, непрерывный скрип ногайских арб – все эти невзгоды вывели меня из терпения.
- 4 "Ах, батюшка, ах, благодетель мой!" – воскликнул Плюшкин.
5. Товарищи, мы, я уверен, закончим это полугодие с хорошими и отличными оценками.

6. Солнце, казалось, увеличивалось у горизонта вдвое, и стало пунцовым, и казалось огромным огненным шаром.
7. Человек должен учиться, трудиться, работать.
8. Нет такой силы, которая пересилила бы русский народ.
9. Да, был орел, да крылья изломал.
10. Он роши полубил густые, уединенье, тишину, и ночь, и звезды, и луну.
11. Нет, никогда я зависти не знал!
12. После прямой речи, перед словами автора ставится либо запятая, либо знак восклицательный, либо знак вопросительный, либо многоточие и после любого из знаков – тире.
13. В Крыму, и на Кавказе, и в Сибири – он везде побывал.
14. Да будут свободны народы, да сгинут насилие и ложь!
15. Дружки умели всем пользоваться: верба, щавель, земляника, грибы – ничто не миновало их рук.
16. Быстро, но горячо прошла в душе моей страсть (иначе я не могу ее назвать) – ловить и собирать бабочек.
17. Пригибаясь, Юргин бросился к своему окошку, где у него – он помнил – лежала связка гранат.

Этот диктант состоит из отдельных предложений, их источники – произведения русской классики (Ф. Глинка ‘Москва’, Н. Некрасов ‘Крестьянские дети’, А. С. Пушкин ‘Путешествие в Арзрум’, *Евгений Онегин*, ‘Моцарт и Сальери’, Н. В. Гоголь *Мертвые души*, М. Горький ‘Дружки’, С. Т. Аксаков *Воспоминания*), а также роман М. Бубеннова *Белая береза*. Стыковка предложений из разных текстов-источников внутри диктанта произвольна, они даются свободным списком и не предполагают семантической или тематической близости, стилистического родства, их расположение друг по отношению к другу не зависит от хронологии создания текстов-источников, от того, прозаической или поэтической они формы, от их жанровой принадлежности. Предложения могут относиться к разным функциональным стилям, наряду с хрестоматийными цитатами из русской классики, диктант может включать в себя правила из учебника русского языка (предложение № 12), а также искусственно смоделированные предложения (№№ 5, 7). Цитаты не всегда носят точный характер, допускается пропуск отдельных слов (№ 15), изменение словоформ и даже лексическая замена с целью насыщения текста определенными орфограммами (№ 15), исправление авторской пунктуации на нормативную (№ 16).

От пишущих диктант не требуется знания истории создания текста, понимания его историко-культурной роли, осведомленности в ходе литературного процесса, описания индивидуального стиля автора. Даже имени автора и названия произведения пишущий может и не знать, – в диктанте звучат только тексты как таковые, без их атрибуции и привлечения экстралингвистических сведений. При этом текст диктанта не-

вольно стыкует разные художественные языки, языковые миры, акцентируя при этом внимание пишущих на отдельных грамматических или пунктуационных нюансах входящих в диктант текстов, благодаря чему между текстами устанавливается сходство по ряду формальных характеристик, наличию в них определенных частей речи, морфем (не обязательно тех, которые несут в данном тексте семантическую нагрузку). Таким образом, в диктанте “легитимизируется” подход к художественному тексту как к некой абстрактной модели (образцу), набору грамматических элементов.

Во время диктанта нужно правильно записать текст, прозвучавший устно, то есть “перевести” звуки в буквы, распознать слова и структуру предложения, для правильного написания слов – определить часть речи, морфемное строение, знать условия написания той или иной буквы в зависимости от ее расположения в слове. Пишущий диктант сопоставляет звучащий текст с известными ему параметрами написания, выделяя гласные и согласные, знаменательные и служебные морфемы, тем самым проделывает путь дешифровки.³

Интерес к грамматическим характеристикам языка определяет все творчество А. Кондратова. С первых же сборников грамматика становится для него своего рода философским камнем, основой художественного эксперимента. Одно из направлений его поисков было связано с изменением функций текста за счет включения его в другую парадигму. Эксперимент такого рода представлен в сборнике ‘Части речи’,⁴ состоящем из 31 миниатюры, материалом которых стали учебные задания по русскому языку.

Название сборника отсылает к соответствующему разделу учебника грамматики русского языка, темой же миниатюр являются морфологические, словообразовательные особенности частей речи (существительного, прилагательного, глагола, причастия, местоимения, наречия, предлогов, частиц). Кондратов использует лингвистические модели в качестве приемов построения текста, композиционной схемы, механизма развития сюжета.

Большинство миниатюр построены по одной модели, они состоят из двух частей: первая часть текста создана по модели школьного упражнения по грамматике, вторая часть представляет собой “острашение” по типу лирического отступления или комического *pointe*. Примером может служить миниатюра ‘Программа действий (дательный падеж)’:

Аплодировать хору
верить другу
пакостить соседу
светить доктору

сопротивляться натиску
наследовать отцу
потакать шалостям
противоречить старшим
учиться музыке
возражать докладчику
мстить королю
хлопать артисту
лгать миру
подчиняться командам
поддаваться влиянию...

И – хватит!
Хватит и этого –
хватит, хватит!

Так, первая часть приведенной выше миниатюры построена по модели упражнения на подстановку по теме глагольного управления, когда ученику предлагается составить словосочетания из данных глаголов, выбрав подходящие по смыслу существительные. Эта часть имеет композицию вертикального списка, его составляют 15 глаголов, требующие после себя существительное в дательном падеже. Каждая из 15 строк устроена единообразно и содержит два элемента: глагол в форме инфинитива + существительное в дательном падеже. В парадигматическом плане, ни глаголы, ни существительные между собой не имеют лексического родства, а следовательно, между строками этой части нет семантической связи. Свободный принцип соединения элементов внутри списка подчеркивается отсутствием знаков в конце строк, последняя строка завершается многоточием, указывая на незавершенность списка. Синтагматические отношения в рамках строки подчиняются принципу возможной лексической сочетаемости, представляя один из нескольких вариантов соединений данных глаголов с данными существительными. Таким образом, в основании композиции первой части лежит только принцип формального единообразия.

Если первая часть представляет грамматический материал как таковой, то вторая часть обозначает присутствие того, кто упражняется в знании его законов. Несмотря на малый объем этой части, состоящей из двух кратких реплик, и их языкового минимализма, ее задача – очертить сюжет всей миниатюры, а в плане композиции всего текста – играет роль *deus ex machina*, прерывает развитие списка.

Упражнения по грамматике, включенные автором в художественный текст, теряют свою прикладную функцию, приобретают характер самодостаточного элемента. Семантическим центром миниатюры становится сам процесс постижения грамматических категорий.

Расположение текста на странице имитирует форму стихотворения из 2-х строф (15-стишие и трехстишие). Аналогия между грамматической моделью и поэтическим текстом достигается также благодаря подчеркнuto единообразной организации строк первой части и повтoру флексий дательного падежа существительных (-у/-ю, -ам/-ям), расположенных в конце строки, тем самым создается эффект параллелизма и передается сходство грамматических показателей с рифмой.⁵ Однако, это, скорее, игровой прием, нежели отсылка к написанным в стихах грамматическим трактатам древних, поскольку миниатюра не содержит ни дидактического, ни религиозного компонента. Пародийный момент ощутим во 2-й части, трехстишии, напоминающем по своему лаконизму и интонации медитативного размышления хокку. Ритмическая организация текста задается разбивкой реплики на три строки так, что в каждой из строк оказывается по два слова, по аналогии с 1-ой частью, а также четырехкратным повтoром слова “хватит”, которое в 1-й и 3-й строках завершает строку, во 2-й и 3-й – начинает. Столь сильная акцентуализация слова контрастирует с легковесностью его семантики. Тем самым вводится мотив ироничной авторефлексии над собой, созерцающим законы грамматики.⁶

Среди композиционных типов миниатюр сборник ‘Части речи’, помимо модели списка, отметим также модель парадигмы и модель “опорных слов”, также принадлежащие к типу учебных заданий.

Модель парадигмы обыгрывает грамматические признаки тех или иных частей речи, способы словообразования, значение словообразовательных морфем, концентрируя внимание на смысло- и формообразующих единицах языка (например, “Суффиксом -ыня”, “Глагольная префиксация”, “Парадигма причастия действия”):

[...]
 Действующий –
 действующ!
 Действую-
 действу...

Действо, во, воюще...
 действ
 дейст
 дейс
 дей...

Дей-
дей
де
дей
де
д...

Полное бездействие.
Полная задействованность.
Полная ералаш!⁷

Модель “опорных слов” напоминает упражнение на составление рассказа с данными словами одной части речи. Расположение слов в определенном порядке порождает “эмбрион” текста, при этом механизм сюжетосложения приводится в действие обыгрыванием грамматических свойств части речи, а также морфологического и лексического потенциала слов. По такому принципу строятся миниатюры ‘О зеленой’, ‘Немного о белой’, ‘Крошечное’, ‘Суффиксация’, ‘Рассказ’, в которых “опорными словами” являются прилагательные.

Суффиксация

Афористичное, поэтическое, зрелое
Белы (ый, ое, ая, яя)
Зелен (оватый, еватый, ватый)
Желт(еющий, юющий, ующий)
-онький, енький, унький
Красноватенький, малоподвижный...

Тоскующий
желтеющий
поющий
– Атенский
– Отенский
– онький!

Использование грамматических моделей в качестве “пружины” сюжетного развития отмечается у Кондратова и в произведениях крупной формы. Полагаем, что замысел одного из ранних текстов, антиутопии ‘Там за стеной’⁸ (1952-1958), имеет отношение к контрольным работам из тетради по русскому языку. В жанровом отношении это произведение, написанное ритмизованной прозой, ориентировано на синтетическую форму романа, в традиции *Петербург* А. Белого и *Мы*⁹ Е. Замятина. Композиционные части обозначены автором “октавами” (“безнадега в 4-х октавах”), указывая на поэтические и музыкальные прин-

ципы построения текста. Каждая часть открывается перечнем тем (графически выделенных крупным шрифтом), которые получают в ней развитие. Обратимся к октаве первой – “Биты”. Слово “биты”, вынесенное в заглавие, с морфологической точки зрения, является множественным числом существительного “бита”, это авторский неологизм, грамматически имеющий значение как мужского, так и женского рода. Биты воплощают в себе суть мироустройства некоего Города, огражденного стеной от остального мира, – города, власть в котором основана на идее поиска и уничтожения врагов. Объясняя природу бит, автор дает несколько определений: “Ни бог, ни враг рода человеческого, ни космос не имели никакого отношения к битам. Бит породила Земля. Бит породил Город. Бит породили люди, только никто не знал, когда и каким образом,” “[...] биты – человекоподобные существа, в которых не было ничего человеческого, кроме подобия рук, головы, ног, – да и то не из плоти, а из металла [...],” но самым точным оказывается то, которое адресует к значению самого слова: “Биты были битами – и ничем иным. Только битами, всего лишь – битами, прежде всего – битами, биты были битами до самого конца.” Прием тавтологического повтора “переводит” объяснение на лингвистический уровень, сущность бит заключена в корне слова: бита – тот, кто бьет. Бить – глагол переходный, следовательно, предполагает объект действия (кого? что?).

Начало Октавы первой вводит мотив властного шествия бит. В языковом плане интенсивность действия подчеркивается лексическим повтором, использованием дериватов и синонимов слова “бить”, в первых же абзацах текста формируется целое семантического поля со значением “бить, убивать, уничтожать”:

Вечера, холодные и тусклые. Дни, бессмысленно пустые. По ночам выл ветер и плакали простуженные дети... дети рождались и слепли. Консерватории не работали. Не работали, с осени, водопроводы. Газеты были строго-настрога запрещены. Город под властью надменных бит.

Они убивали везде: на панелях, в квартирах, врываясь даже в уборные. Спрятаться от бит было немислимо, невозможно. Они были всеильны, биты, разговаривая только так – ударами, метя прямо в лицо, наповал.

Никто не знал, откуда взялись биты. Они появились на улицах осенью, как снег на голову, внезапно, неожиданно, негаданно – и сразу же стали убивать. Гонялись за прохожими, сбивали их с ног, яростно топтали, хрипло крича:

Вр-р-рагов искор-рр-реняй!

Зычно покрикивая, кривыми ногами гулко били в опустевшие тротуары, сжимая свинцовые кулаки... *Биты.*

Сюжет ‘Там, за стеной’ также может быть выражен языком грамматики – это процесс субстантивации признака: от глагола “бить” – к страдательному причастию “битый”, – к краткой его форме “бит”, – и трансформация из объекта действия (“тот, кто бит”) в субъекта (“тот, кто бьет”). Отметим также возможную языковую игру: бита (или биток) – это предмет, которым бьют в играх. Таким образом, возникает дополнительная коннотация: бьющая врагов бита может быть “орудием” в чьих-то руках. Среди художественных приемов, значимых для развития сюжета, укажем на прием опредмечивания метафоры, заключающийся в том, что военные и политические фразеологизмы из средств риторики становятся действием: “сломить врага” – и тело врага ломают, “уничтожить врага” – и мясо его поедают.

Тема бит романа-антиутопии Кондратова парадоксальным образом связана с его сочинением из тетради по русскому языку:

Сочинение. 06. 06. 1956

Бдительность – неотъемлемое качество советского человека

“Люди, я любил вас! Будьте бдительны!” – писал в фашистском застенке чешский герой-коммунист Юлиус Фучик.

Бдительность – одно из главных качеств нового, советского человека. Это качество прививается ему еще в школе, наряду с другими качествами: честностью, прямотою, храбростью. В условиях капиталистического окружения мы, простые советские люди, не можем не быть бдительными. Особенно это относится к воинам Советской Армии, ведь недаром есть такой плакат:

Не болтай у телефона!

Болтун – находка для шпиона.

В. И. Ленин писал, что враги социалистического государства будут использовать малейшую “дыру” в нашей законности, чтобы разрушить его. Для борьбы с этой международной реакцией, которая вербовала свою агентуру из числа “внутренней контрреволюции”, были созданы ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ и КГБ. Ф. Э. Дзержинский показывает советским людям пример бдительности. Однако, прикрываясь “бдительностью”, проходимцы и карьеристы, а порою и прямые враги народа сеяли в рядах партии и среди советского народа недоверие, подозрительность. Так бывшие министры госбезопасности Рюмин, Ежов в своей деятельности исходили не из интересов партии и народа, а, стремясь выслужиться, сеяли взаимное недоверие, опорочивая простых советских людей. Народ сурово осудил карьеристов и шкурников.

Презренная банда Берии, во главе с гнусным провокатором, отъявленным мерзавцем, агентом иностранной разведки Берией, на протяжении многих лет вела свое подлое черное дело, клеветца, расстреливая, пытая честных советских людей, пытавшихся раз-

облачить грязные дела мерзкой шайки. Но карта врага была бита – партия и народ бдительны – но никакие слова о бдительности не смогут уничтожить подлинную бдительность – к врагам трудящихся, к агентам иностранных разведок.

Бдительны советские воины-пограничники, они зорко следят за граничной полосой, повторяя стихи поэта:

Минули дни. Фашисты биты.
Но начеку стоят заставы.
Дрожите, подлые наймиты,
Мы твердо помним об уставе.

Сейчас, в эти дни, когда проповедники “холодной войны” потерпели крах в дни пребывания в нашей стране дорогого товарища Иосифа Броз-Тито, в дни заключения договора с Францией, в дни, когда люди могут сказать: “Войны не будет!”, мы не должны забывать о бдительности. Поджигатели войны еще будут пытаться разжечь мировую войну, иностранные разведки не прекратили свою подрывную деятельность. Так в дни пребывания в Англии товарищей Хрущева и Булганина английская разведка вела подводную съемку наших крейсеров; так, только вчера, в Италии были разоблачены гнусные козни американских империалистов, пытавшихся вместо соломенных шляп провезти военные каски.

Все советские люди, да и трудящиеся всего мира, должны быть бдительны, как никогда, – бдительны ко всем сторонникам “холодной войны”, ко всем провокаторам, сеятелям ненависти и недоверия, ко всем врагам мира.

Мы должны быть бдительны ко всем проявлениям фашизма, разгромленного, как государство, но глубоко пустившим свои корни в системе капитализма. Кровавый палач испанского народа Франко, превративший Испанию в тюремный полицейский застеноч, “диктаторы” некоторых латиноамериканских республик – наглядный пример того, что фашизм живуч, что никогда не следует забывать о бдительности, а, наоборот, всегда помнить о ней.

Мы должны быть бдительны и ко всем проявлениям пережитков капитализма в сознании наших людей. Ведь имеется у нас в стране прослойка людей, живущих нетрудовыми доходами! Долг каждого советского человека – сообщить органам милиции о преступной деятельности этих лиц. В этом поступке советские люди проявят свой патриотизм, бдительность, любовь к труду.

Мы, простые советские люди, под руководством партии во главе с Центральным комитетом идем к коммунизму. На пути немало трудностей, преград, препятствий, “кое-кому” не нравится этот путь, “кое-кто” пытается помешать шествию в коммунизм.

Но мы, советские люди, бдительны!

Поскольку эта работа не сопровождается обязательным для сочинений планом (такой развернутый план предшествует сочинению по

роману И. А. Гончарова *Обломов*), то, по всей видимости, перед нами не сочинение в чистом виде, а тип контрольной работы, известный как “творческий диктант”, при написании которого ученикам зачитывался текст, а они должны были изложить его содержание, дополнив своими примерами. Таким “опорным” текстом могла быть статья ‘Бдительность – наше оружие’, опубликованная в июньском номере журнала *Советская милиция*. Ее автор подполковник Н. Валиков в числе прочего приводил слова Н. С. Хрущева на совещании молодых строителей в Кремле:

Враги надеются на то, что мы ослабим нашу бдительность, ослабим наши органы государственной безопасности. Нет, этого никогда не будет! Пролетарский меч должен быть всегда острым, всегда должен умело охранять завоевания революции, завоевания рабочего класса, завоевания трудового народа.¹⁰

Цитируется в сочинении и доклад Хрущева на XX съезде. Перефразируя слова Никиты Сергеевича, Кондратов заменил фразеологизм “держать пролетарский меч острым” фразеологизмом: “карта врага [...] бита”.¹¹ Для усиления эффекта далее приведено четверостишие некоего поэта, в котором к слову “биты” дана рифма “подлые наймиты”.

По этому сочинению можно заключить, что его автор, курсант милицейской школы, “идеологически грамотен”, в совершенстве владеет политической риторикой, следит за новостями по материалам центральной прессы и специальной периодике МВД: им упомянуты актуальные события внешней политики СССР за апрель – июнь 1956 г. Вот заголовки передовиц: в апреле ‘Посещение Англии Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным и Членом Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущевым по приглашению Правительства Ее Величества’; в мае ‘Приезд в Москву по приглашению Советского правительства председателя Совета Министров Франции Ги Молле и министра иностранных дел Кристиана Пино’, в начале июня ‘Прибытие в СССР президента Федеративной Народной Республики Югославии Йосипа Броз Тито’. Автор сочинения успел просмотреть газеты даже в день написания работы, так, им упомянута информация из сообщения ТАСС ‘Тайные поставки американского снаряжения Израилю’, опубликованного на четвертой странице газеты *Красная звезда* от 6 июня.¹²

Встает вопрос, как примирить Кондратова-автора сочинения о бдительности с Кондратовым-автором написанной в тот же период антиутопии ‘Там, за стеной’, в которой школьное сочинение в идеологически правильном ключе является предметом пародии?

Мой любимый герой – провокатор Бацман. Он добрый и очень энергичный. Провокатор Бацман разоблачал врагов.

В прошлом, при Битах, было много всяких врагов. Всех врагов разоблачили Провокаторы. А потом их ликвидировали Биты, – чтобы всем нам было хорошо. Теперь нам очень хорошо – всех врагов разоблачили, всех их истребили Биты. [...]

– пишет в сочинении “Кем быть?” Соня Битова, ученица третьего класса.

Возможный способ решения дан самим Кондратовым и применен в сборнике ‘Части речи’, а именно, включение учебного текста в другую парадигму.

В случае с сочинением из тетради по русскому языку, нужно учитывать тот факт, что тетрадь эта не была автором уничтожена или спрятана от посторонних глаз, а, напротив, была подарена М. Красильникову, и тот хранил ее в течение долгих лет. Это дает нам повод рассматривать сочинение А. Кондратова в парадигме действ-перформансов “круга М. Красильникова” (Э. Кондратова, Ю. Михайлова, В. Уфлянда, М. Еремина, Л. Виноградова и др.) 1955-1956 гг., построенных на обыгрывании устойчивых форм советской коллективной обрядовости через буквализацию и механизацию жеста: показательный энтузиазм во время первомайских и ноябрьских демонстраций, коллективные заплывы через Неву, написание отзыва о выставке от лица возмущенных посетителей и т. д. Семантика действий была связана с обнажением самой схемы биполярной модели, лежащей в основе шаблонов советской риторики. В этом контексте инерция пародийности распространяется и на текст сочинения.

(Заметим, оцененного учителем на “4” из-за ошибок в написании слов “неотъемлемое” и “пустившим [корни]”).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hoover Institution Archives. Mikhail Mikhailovich Krasil'nikov papers. Box 3, folder 5. Далее тексты из тетради цитируются по этому источнику. В тексты внесены исправления учителя.

² В 1947 г. роман получил Сталинскую премию второй степени.

³ Ср. с объяснением методов дешифровки из автореферата диссертации Кондратова:

[...] единственным “ключом” к дешифровке оказывается изучение самих *текстов*, выявление их структуры, абстрактных “параметров языка” и сопоставление их с “параметрами” известных языков (будь это частота гласных и согласных, дистрибуция знаменательных и служебных морфем, парадигмы слов и т. д.).

(А. М. Кондратов, ‘Статистические методы дешифровки некоторых письмен Древнего Востока и Средиземноморья’, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1969, с. 4)

4 Hoover Institution Archives. Mikhail Krasil'nikov papers. Box 2, folder 7. Далее тексты из сборника ‘Части речи’ цитируются по этому источнику (текст не датирован, машинопись).

5 Экспериментальная поэтика Кондратова сборника ‘Части речи’ имеет непосредственное отношение к его научным изысканиям, связанным с теорией информации. Кондратов отмечал аналогию между кругом вопросов, “решаемых при дешифровке древних текстов, со статистическим и теоретико-информационным изучением поэтических текстов” (А. М. Кондратов, ‘Статистические методы дешифровки некоторых письмен Древнего Востока и Средиземноморья’, с. 15), в частности, “изучен[ие] дистрибуции ‘грамматических’ знаков в древних текстах” с “*анализ[ом]* дистрибуции грамматических элементов в поэтических текстах” (там же).

6 По такой же схеме построена и вторая миниатюра ‘Программа действий (в предложно-падежной форме)’, 2-я часть которой представляет собой 5-стишие:

Многое еще. –
и еще,
еще,
еще,
еще-о-о...

7 В этой миниатюре, построенной на разложении слова на семантические атомы, находят практическое выражение тезисы доклада А. Кондратова на симпозиуме по структурному изучению знаковых систем (1962): “1. Поэзия как язык, средство передачи информации. Определение количества информации, содержащегося в одной букве осмысленного текста”, “9. Величина информации, содержащейся в одной букве поэтического текста” (А. М. Кондратов, ‘Теория информации и поэтика’, *Симпозиум по структурному изучению знаковых систем*, Тезисы докладов, Москва, 1962, с. 142). Однако, поскольку текст машинописного списка сборника не датирован, нельзя сказать, предшествовала ли теория практике или наоборот.

⁸ Hoover Institution Archives. Mikhail Krasil'nikov papers. Box 3. folder 4. Далее текст 'Там, за стеной' цитируется по этому источнику (машинопись).

⁹ Антиутопия А. Кондратова испытала на себе значительное влияние поэтики романа Е. Замятина *Мы*. В 1952 роман вышел в Нью-Йорке в "Издательстве имени Чехова".

¹⁰ 'На новые подвиги, молодежь, во имя дальнейшего расцвета Советской Родины' (речь товарища Н. С. Хрущева на Всесоюзном совещании молодых строителей 11 апреля 1956 года, *Правда*, 1956, № 104, 13 апреля, с. 2). В сочинении излагаются и высказывания Хрущева на тему бдительности на XX съезде КПСС. В разделе "Развитие социалистического демократизма. Совершенствование государственного аппарата. Укрепление советской законности" он говорил:

Большое внимание Центральный Комитет партии уделял и уделяет укреплению социалистической законности. Опыт показывает, что малейшее ослабление социалистической законности враги Советского государства пытаются использовать для своей подлой, подрывной работы; [...] нельзя забывать, что враги всегда пытались и будут пытаться впредь мешать великому делу построения коммунизма. Капиталистическое окружение засылало к нам немало шпионов и диверсантов. Наивно было бы полагать, что теперь враги оставят свои попытки всячески вредить нам. [...] Поэтому мы должны всемерно поднимать в советском народе революционную бдительность, укреплять органы государственной безопасности.

(Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС (в рамках отчетного доклада ЦК КПСС), *Правда*, 1956, № 46, 15 февраля, с. 9)

¹¹ Использование этого фразеологизма представляется неслучайным. В 'Там, за стеной' партия игры в карты между подпольщиками является знаковым эпизодом, предшествующим их уничтожению битами. Модель карточной игры используется Кондратовым в книге *Звуки и знаки* для объяснения понятия "бит" ("binary digit"), единицы измерения информации:

Известие о том, что подброшенная в воздух монета упала гербом, принесет нам информацию ровно в один бит. Ведь $\log_2 2$ ("орел" или "решка"?) равен 1, то есть одному биту. Известие о том, что выпала игральная карта трефовой, пиковой или другой из четырех мастей, принесет нам информацию в два бита, ибо $\log_2 4 = 2$. (А. Кондратов, *Звуки и знаки*, Москва, 1978, с. 99)

Далее, дается пояснение, что “эта мера удобна и верна лишь при условии, если все наши ‘выборы’ равноправны, имеют одинаковую вероятность появления” (там же). Отсылка к математическому языку – прием, почерпнутый Кондратовым у Замятина. Бит, “да-нет единица”, кроме того является еще одним словом-омонимом названия романа. Одним из мотивов ‘Там, за стеной’ становится измерение возможности того или иного разрешения ситуации. Когда “палочки стремятся к нулю” – шанса на спасение не остается.

12

‘Тайные поставки американского снаряжения Израилю’, *Красная звезда*, 1956, № 129, 6 июня, с. 4. В заметке говорилось:

РИМ, 5 июня. (ТАСС). Газета “Унита” сообщает. Что в Генуе во время погрузки на израильское судно 27 ящиков, в которых, согласно документам, должны были содержаться соломенные шляпы, один из ящиков упал на землю и разбился. При этом обнаружилось, что в ящиках были упакованы не соломенные шляпы, а военные каски американского образца. Груз сразу же был конфискован итальянскими таможенными властями. По словам газеты, каски были доставлены из Ливорно, где, как известно, находится база снабжения американских войск.